

Анна Литвина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)
annalitvina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2740-0904>

Федор Успенский

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)
fjodor.uspenskiy@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5364-0173>

Anna Litvina

National Research University Higher School of Economics (Moscow)
annalitvina@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2740-0904>

Fjodor Uspenskiy

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
fjodor.uspenskiy@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5364-0173>

ДВА ОТЧЕСТВА ЛЕРМОНТОВА*

LERMONTOV'S TWO PATRONYMICS

В статье рассматривается поздний период бытования светской христианской двуименности в русской антропонимической традиции на примере семьи М. Ю. Лермонтова. Авторы анализируют исторические, религиозные и культурные предпосылки этого явления и практики наречения двумя календарными именами — крестильным и родовым — в XVIII–XIX столетии. Особое внимание уделяется имени *Евтихий*, фигурирующему в документах, связанных с отцом поэта, Юрием Петровичем Лермонтовым, а также его предком, стольником Евтихием Петровичем. Исследование опирается на широкий корпус исторических источников, включая метрические книги, монастырские записи и родословные росписи. В статье демонстрируется, что традиция двойного именования сохранялась в дворянских семьях вплоть до XVIII–XIX веков, но постепенно утрачивала свои функции в публичной и официальной сферах. Рассмотрены также литературные и культурные отражения этой традиции, в частности, в мемуарах и художественных текстах.

* При подготовке публикации использованы результаты проекта «Язык, литература, культура в историческом и социальном измерении», выполняемого в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г.

Ключевые слова: Лермонтов, историческая ономастика, двуименность, родовая традиция, церковный календарь, крестильное имя.

The article examines the late period of the secular Christian double-name tradition in Russian anthroponymic practices, using the family of M. Y. Lermontov as a case study. The authors analyze the historical, religious, and cultural prerequisites of this phenomenon, focusing on the practice of assigning two calendar-based names—one baptismal and one hereditary—during the eighteenth and nineteenth centuries. Particular attention is given to the name *Eutychios*, which appears in documents related to the poet's father, Yuri Petrovich Lermontov, as well as his ancestor, the stolnik Eutychios Petrovich. The study draws on an extensive corpus of historical sources, including parish registers, monastic records, and genealogical charts. The article demonstrates that the tradition of double naming persisted in noble families until the eighteenth and nineteenth centuries but gradually lost its function in public and official spheres. The literary and cultural reflections of this tradition, particularly in memoirs and fictional texts, are also considered.

Key words: Lermontov, historical onomastics, double naming, family tradition, ecclesiastical calendar, baptismal name.

Специалисты по биографии Лермонтова несколько раз бегло отмечали, что у поэта, в сущности, было два отчества — не только общеизвестное *Юрьевич*, но и куда более экзотичное *Евтихиевич*. Характерно, что такого рода сообщения появлялись, в первую очередь, не в академических статьях или монографиях, а в газетных или журнальных публикациях. Так, одним из первых, кто обратил внимание на этот факт, был не кто иной, как Б. М. Эйхенбаум (1938: 4), посвятивший ему часть своей заметки в *Литературной газете*. Исследователь привел данные метрической книги 1831 г., где в графе об умерших в октябре значится «Евтихий Петров Лермонтов», и сделал вывод, что «официальное, крестильное имя отца <поэта> было не Юрий, а Евтихий». Здесь же Эйхенбаум сообщает сведения из церковной книги с. Тархан от 1826 г., где 12-летний Михаил Лермонтов записан *Михаилом Евтихиевичем*. При этом в публикации отмечается, что «имя Евтихий было родовым в семье отца. В XIX в. оно уже звучало слишком простонародно и, как это часто бывало, осталось в официальных документах, а в быту было заменено другим, более светским» (Там же).

Позднее наличие имени *Евтихий* у Ю. П. Лермонтова обсуждалось в чрезвычайно краткой научно-популярной заметке В. Маргвелашвили (1967: 22), опубликованной в журнале *Смена*, где автор демонстрирует неожиданную для того времени заинтересованность в традиции русской христианской двуименности и высказывает догадки о ее древности и устойчивости. В его тексте тонкая осведомленность сочетается с прямыми ошибками, впрочем, совершенно неизбежными, если принять во внимание, сколь мало эта традиция была исследована в ту пору. Характерно, что многим ученым-лермонтоведам факт двуименности отца поэта остается неведомым до наших дней, несмотря на общую увлеченность родословием этой семьи¹.

¹ Так, А. Б. Пеньковский, посвятивший целую монографию (2003) антропонимическому аспекту поэтики М. Ю. Лермонтова и весьма заинтересованный проблемой много-

Для полноценного научного описания интересующего нас феномена в семье поэта попросту не существовало надлежащего общего фона, позволяющего увидеть принципы функционирования христианской полиномии на Руси и этапы ее трансформации — от Средневековья к Новому времени. Между тем, такая протяженная антропонимическая перспектива была бы отнюдь нелишней, коль скоро мы говорим о роде, прожившем на Руси почти три века.

Эпоха расцвета долгоживущей культурной практики. Традиция давать детям два имени из церковного календаря полностью сформировалась к концу XIII столетия. Она наследует еще более древней форме двуименности, возникшей сразу же после крещения Руси, когда у каждого христианина было имя из святцев, данное ему при крещении, но при этом ничто не мешало ему иметь и второе — привычное для его семьи и рода — нецерковное имя. Так, новгородский посадник XI в. был *Иосифом* в крещении и *Остромиром* в повседневном публичном обиходе, просветитель Руси, князь Владимир Святославич, в крещении звался *Василием*, его сын, Ярослав Мудрый — *Георгием* (*Юрием*), а его внуки — *Изяславом*/*Дмитрием*, *Святославом*/*Николаем* и *Всеволодом*/*Андреем*. Поначалу нехристианское имя человека было куда более востребованным в публичном обиходе, потому что имена святых из календаря были еще, так сказать, словами без коннотаций, ничего не сообщающими о родовой преемственности или принадлежности того иного лица. Однако довольно быстро эти христианские имена стали обрастать своей семейной историей, и у элитарных, а, возможно, и не только элитарных родов сформировался свой круг излюбленных антропонимов, передававшихся из поколения в поколение. *Георгий*, *Андрей*, *Василий*, *Дмитрий*, *Федор* и др. стали таковыми для правивших Русью князей Рюриковичей; складывались подобного рода наборы христианских антропонимов и у других семей.

Со временем имена святых заметно потеснили в обиходе имена нецерковные, однако последние отнюдь не исчезли из русской практики имяна-речения по крайней мере до конца XVIII столетия. Многоименность сосуществовала на Руси с одноименностью и была явлением распространенным и привычным. Церковь всегда проявляла к ней достаточную терпимость — православный на Руси, как уже говорилось, непременно должен был обладать именем, данным в честь святого, но при этом даже в имущественных монастырских записях он мог называться *Мстиславом* или *Твердиславом*, *Пирогом* или *Караваем*, *Шишкой*, *Томилой* или *Нежданом*, и даже духовные лица фигурируют в текстах как *поп Сушила* или *Упырь Лихой*.

На таком-то фоне и развивалась два с лишним столетия спустя после крещения Руси традиция многоименности собственно христианской, и воз-

именности окружения поэта и его рефлексией над историей собственного рода, решительно нигде не отмечает, что Юрий Петрович был обладателем двух христианских имен, очевидным образом, попросту не подозревая об этом факте.

никла она благодаря нараставшему вниманию к церковному календарю. Едва ли не каждое событие в жизни человека с какого-то момента стало связываться с именем того святого, на день памяти которого оно произошло. Особенно важным это оказалось для выбора имени новорожденного — считалось весьма благочестивым наречь его в честь одного из святых, празднование которому совершалось в день его появления на свет. Порой такой антропоним оказывался подходящим для всех сфер жизни. В самом деле, во множестве семей ребенка готовы были наречь *Федором*, *Василием* или *Иоанном*, а в церковном календаре налицо около 20 свв. Феодоров и около 40 свв. Иоаннов, так что вероятность родиться на день памяти кого-либо из них у всякого младенца мужского пола была достаточно высока. С другой стороны, не во всякой семье имя *Иван* или *Василий*, выпавшее по календарю, считалось подходящим, кроме того, наследник мог появиться на свет на память св. Феопремпта, Евсигния или Иакинфа, а таких имен ни у его родни, ни в одной из семей его окружения прежде могло никогда не встречаться.

В таких случаях родители действовали по-разному. Во-первых, можно было сосредоточиться исключительно на дате рождения и связанном с ней небесном покровителе — дать ребенку то имя, которое ему выпало по воле Божьей и расширить тем самым семейный антропонимикон, включить в него новое, доселе не принятое имя. Во-вторых, можно было по старинке не слишком заботиться о точности, а подобрать имя в церковном календаре приблизительно, где-то в окрестностях дня появления младенца на свет, но так, чтобы оно соответствовало предпочтениям семьи, повторяло именование кого-то из предков. И, наконец, два последних антропонимических решения можно было совместить, выбрав одно христианское имя строго по дате рождения, а второе — тоже из церковного календаря — в соответствии с семейной традицией.

Таким-то образом и появились на Руси люди, с детства обладавшие двумя христианскими именами. Их всегда было довольно много, и они замечательно сосуществовали бок о бок со своими одноименными современниками. Не будучи чем-то обязательным, двуименность в одних семьях XV–XVII столетия встречалась регулярно, а где-то не зафиксирована вовсе. Впрочем, говорить здесь о какой-либо статистике решительно невозможно — благодаря тому, что разные христианские имена одного и того же человека не так часто сходятся в одном тексте, а в массовых деловых документах безусловно доминируют имена публичные, некрестильные, множество казусов христианской полиномии попросту остаются недоступными для исследовательских наблюдений.

Закат классической христианской двуименности. В силу недостаточной сохранности источников не так легко сказать, когда именно на Руси появилась практика двойного наречения именами святых — к концу XIII в., повторимся, мы застаем ее в уже готовом виде. Но, пожалуй, еще труднее определить, когда она полностью иссякла (если это вообще произошло окон-

чительно). Здесь довольно важно, на что мы будем ориентироваться — на самый факт наличия у человека двух христианских имен в миру или на способ выбора этих антропонимов, который и придавал русской христианской полиномии Средневековья столь характерный и своеобразный вид.

В основе этого способа лежал следующий принцип: как в XIV, так и в XVII столетии если уж человека решали наречь двумя именами из церковного календаря, то в крещении ему давалось имя одного из святых, празднование которому совершалось в день его рождения. Второе же имя (родовое, семейное) подбиралось в довольно широких календарных окрестностях этой даты, а порой давалось и вовсе без оглядки на нее. Существенно, что двуименным человек становился сразу же, в первые месяцы своей жизни. При этом имя, даваемое в крещении, у него было одно и только одно, и откуда он жил мирской жизнью, третьего христианского имени у него появиться не могло — два имени из церковного календаря это, так сказать, предельно допустимый максимум².

В классический период существования светской христианской двуименности сферы употребления этих имен были разделены. Рядом они появлялись достаточно редко, лишь в особых ситуациях, а в целом крестильное имя, скорее, присутствовало в церковной жизни человека, тогда как родовое — в публичной, от обиходной и деловой до придворной. При этом какое-либо из них едва ли можно назвать тайным — стремление к сокрытию крестильных имен лишь изредка проявляется в периоды позднего Средневековья, когда та или иная социальная страта начинала испытывать общий панический страх перед колдовством и наветом. Авторы Нового времени иногда связывают его с масонством или сектантством, к которым русская христианская двуименность на деле не имеет никакого отношения.

Так или иначе, пионерами христианской полиномии на Руси был, скорее всего, правящий род Рюриковичей, и почти несомненно, благодаря их же изменившимся предпочтениям, эта традиция, просуществовав несколько веков, стала размываться, слабеть и утрачивать свои сущностные признаки. Именно для московского великокняжеского дома особенно важными оказались родовые христианские имена наследников, знаменующие вертикальную преемственность власти, связь и подобие потомка и предка, хотя зачастую правители не спешили отказываться и от благочестивой возможности дать вновь появившемуся члену семьи два христианских имени разом, устанавливая таким образом связь новорожденного династа с тем небесным покровителем, который Божьей волей выпал ему по дню рождения.

² Разумеется, человек мог, скрываясь, назваться чужим именем или получить какие-то иные имена при переходе в иную конфессию, но такие казусы в любом случае находятся за пределами интересующей нас традиции светской христианской двуименности. Третье, а в XVII в. даже и четвертое христианское имя на Руси можно было получить лишь при пострижении в монашество. Нехристианских (отсутствующих в святцах) имен у человека и в миру, и в монашестве могло быть несколько.

Результатом подобной стратегии стала новая модель наречения двумя именами, отделяющая царствующий дом от его подданных. С определенного момента высокородных отпрысков принялись крестить их династическими, родовыми антропонимами, а имя святого, выпавшее по дню рождения, сохранялось за ними, но всего лишь в виде своеобразного благочестивого придатка, по-прежнему актуального в церковной жизни, но занимавшего в ней места куда меньше, чем имя крестильное. Иван Грозный был крещен *Иваном*, хотя и обладал дополнительным именем *Тит*, потому что появился на свет на память апостола Тита (25 августа), аналогичным образом, его брат *Юрий (Георгий)*, будучи крещен *Георгием*, носил еще и имя *Стахий*, а сыновей Грозного — будущего царя Федора и царевича Дмитрия — в крещении нарекли *Федором* и *Дмитрием*, но вдобавок дали им имена *Ермий* и *Уар* в соответствии с датами их рождения (Литвина — Успенский 2019). Всех же прочих обитателей Московской Руси продолжали нарекать двумя христианскими именами по старому образцу, когда имя дня рождения становилось для младенца крестильным. Так, младший сверстник Ивана Грозного, князь Иван Андреевич Плетень Шуйский († 1573), знатнейший Рюрикович по крови, не принадлежавший при этом к московскому правящему дому, согласно старинной модели, получает в крещении имя дня рождения — *Максим*, тогда как имя *Иван*, под которым он фигурирует во множестве текстов, остается для него именем родовым, публичным, но некрестильным. Точно так же сотни, если не тысячи, его современников всех сословий — от кабальных холопов до государевых дьяков, от княгинь до поповен — в крещении нарекаются в честь того святого, на память которого они родились (*Иов, Елевферий, Фаддей, Митрофан, Лазарь, Василий, Иван, Гликерия, Матрона*), а традиционные для их семей антропонимы носят в качестве публичных прозваний (*Созонт, Федор, Даниил, Михаил, Дмитрий, Георгий, Иван, Василий, Елена, Стефанида*).

В XVII столетии новая династия Романовых, взойдя на престол, сразу же завершила в своем антропонимическом обиходе то, что было начато поздними Рюриковичами, и вовсе отказалась от вторых христианских имен. При этом они отнюдь не перестали особым образом выделять и чтить тех святых, чья память совпадала с днями их появления на свет. Так, Петр I не случайно строит в Петербурге Исаакиевский собор, поскольку родился он на память св. Исаакия Далматского (30 мая), хотя обладателем имени *Исаакий* не был. Характерно, однако, что при первых Романовых, да и при Петре, не возникало никаких запретов на светскую христианскую двуименность как таковую. Говоря о полиномии придворной знати, можно вспомнить, например, трех братьев, князей Долгоруковых. Публично они звались *Юрием, Дмитрием* и *Петром*, тогда как в крещении — в соответствии с датами появления на свет — были наречены *Софронией, Софронием* и *Киrom*. Однако сами государи, прекрасно осознавая ту тонкую нюанси-

ровку, которая существовала в распределении этих имен по разным сферам жизни³, не только избрали иной путь для наречения собственных детей, но и в общении с ближним кругом, скорее, предпочитали использовать крестильные имена двуименных, а не те, что считались обиходными и публичными (Литвина — Успенский 2022).

Такая ситуация при дворе постепенно стала оказывать влияние и на жизнь общества в целом. На рубеже XVII–XVIII столетий обладатели двух христианских имен никуда не делись, но называть только одно из их имен *публичным* зачастую уже не имеет смысла — крестильное имя все чаще фигурирует в казенных документах, и иногда именно оно может показаться единственным именованием человека. При Петре, вдобавок ко всему, сам царь и его подданные куда шире, чем прежде, сталкиваются с полиномией совсем иного типа — собственно западноевропейской, что, с одной стороны, формирует своего рода поддерживающий образец для наделения младенца сразу несколькими антропонимами, а, с другой, подталкивает к отступлениям от местных принципов имянаречения.

Итак, сама по себе практика наречения двумя именами из церковного календаря, постепенно редуцируясь, будет существовать еще долго, но стройный порядок здесь искать уже не приходится — к середине XVIII в. устройство и мотивация выбора таких имен все больше становятся делом личного вкуса нарекающих. Можно, как встарь, одно из имен (вовсе не обязательно крестильное) дать младенцу по дню появления на свет, а звать его другим. Можно с помощью двух антропонимов сочетать разные родовые замыслы, т. е. попросту дать ребенку два родовых имени, никак с днем его появления на свет не связанных. Можно еще, к примеру, учесть предпочтения и волю высокопоставленного крестного, не нарушая семейной традиции. Можно, наконец, с помощью имени прочертить связь с определенной датой, отличной от дня рождения, но значимой в семейных или государственных масштабах. Так, Петр I, нарекая своих крестников, сыновей Александра Даниловича Меншикова, дал им по два имени (*Лука/Петр* и *Самсон/Павел*), никак не связанные с днями их рождения, так как на празднование св. Самсону приходилась Полтавская победа, а на св. Луку — победа в битве при Калише (Литвина — Успенский 2019а). Еще один его знаменитый крестник, Абрам/Петр Ганнибал, оказался обладателем двух христианских антропонимов в силу обстоятельств совершенно нестандартных (свои имена он получил в разных местах и в разное время), но вот оба его сына, благополучно появившиеся на свет в России, Исаак/Савва и родной дед Пушкина, Осип / Яннуарий, сделали двуименными (вероятно, в подражание отцу) с самого рождения (Литвина — Успенский 2019а: 173–174, 182–183).

³ Так, в одном и том же письме царь Алексей Михайлович может называть князя Юрия Алексеевича Долгорукого († 1682) то *Юрием*, то *Софонией* в зависимости от того, о светских или о церковных делах идет речь (Литвина — Успенский 2022: 83–84).

С другой стороны, наречение по строго традиционной модели тоже не теряет своей актуальности: так называют, например, тестя поэта Е. А. Боратынского, генерал-майора Льва/Харлампия Николаевича Энгельгардта († 1836): «Я родился в 1766 году февраля 10 числа <...> Назвали меня Харлампием, но когда привезен я был родителями моими в Нижегородскую губернию, Арзамасского уезда в село Кирманы, к бабке моей Наталье Федоровне, то она, в память о сыне ея Льва, убитого в Семилетнюю войну, назвала меня его именем» (Энгельгардт 1997: 15–16). 10 февраля празднуется память мученика Харлампия в Магнисии, судя по всему, имя этого святого было крестильным у Энгельгардта. 18 же февраля отмечается память Льва, папы Римского, а 20 февраля — Льва Катанского, так что родовое (дядино) имя удачно подходило ребенку в пресловутой приблизительно-календарной перспективе. Став взрослым, в своем окружении Энгельгардт — в полном соответствии с древней моделью — назывался *Львом Николаевичем* (так он именуется, например, в «Детских годах Багрова-внука» С. Т. Аксакова).

Куда более подробным рассказом о функциональном распределении двух христианских имен, данных в середине XVIII столетия по такому традиционному образцу, мы располагаем благодаря «Рассказам бабушки» — мемуарам Елизаветы Петровны Яньковой, в девичестве Римской-Корсаковой, записанных ее внуком. Об именах своей матери (урожденной княжны Щербатовой), Е. П. Янькова сообщает следующее:

«Матушка была сама по себе княжна Щербатова <...> Когда она родилась, — это было 7-го октября 1743 года, — дедушка находился в отсутствии, и бабушка дала ей имя Пелагеи, празднуемой октября 8-го дня. Дедушка Щербатов скоро возвратился и очень опечалился, что дочь его назвали Пелагеей, а не Аграфеной, как он намеревался, в честь своей матери (второй жены его отца, князя Осипа Ивановича Щербатого), женатого на Аграфене Федоровне Салтыковой), и решил, чтобы называть ее Аграфеной, но именины она всегда праздновала октября 8-го; при венчании ее называли Аграфеной, но отпевали Пелагией...» (Благово 1885: 22)⁴.

Нет никаких сомнений, что княжна была крещена *Пелагеей* — хотя праздновать можно было дни памяти обоих своих святых тезок, *именинами* назывался только день тезки по имени крестильному. Обратим внимание при этом, что ее день рождения приходился не на самый день празднования св. Пелагеи, а на его канун, однако именно такие однодневные сдвиги в строго календарном наречении допускались традицией светской

⁴ В *Рассказах бабушки* встречается и еще один образчик наречения двумя христианскими именами по старой традиционной модели: здесь фигурирует князь Владимир/Прокопий Михайлович Волконский, который был немногим старше уже упоминавшегося нами Л. Н. Энгельгардта. Князь появился на свет 8 июля 1761 года. (Благово 1885: 45), судя по этим данным, одно из имен было дано ему по дню рождения (8 июля — память св. Прокопия из Кессарии), тогда как другое — по святому князю Владимиру, чья память праздновалась на восьмой день после рождения (15 июля).

христианской двуименности издревле, по крайней мере с XV в. Нельзя не отметить также, что в столь позднее, казалось бы, время, сохраняется и практика тонкого дифференцирования в употреблении двух христианских имен: венчание, хотя и является церковным таинством, втягивается в орбиту употребления некрестильного имени, а отпевание — нет.

В ту пору случалось и так, что второе имя того или иного лица только на отпевании и выяснялось: так, знакомые Александра Алексеевича Плещеева лишь после его кончины в 1777 г. узнали, что он был еще и *Лавром Ферапонтовичем*, причем имя *Лавр*, судя по всему, было крестильным (Сахарова 2005: 284).

В целом, можно сказать, что в петровское и ближнее постпетровское время исконная традиция светской христианской двуименности, не будучи никем запрещена и не исчезнув вовсе, не только лишилась принципа единообразия календарной приуроченности, но и утратила пространство для своей широкой репрезентации. Общая бюрократизация жизни все реже допускала ситуации, когда человека в бумагах было бы уместно называть то одним, то другим именем и, тем более, приводить два христианских антропонима одного лица рядом. Соответственно, в этом заново регламентированном мире скудеет и сама практика наречения детей двумя именами — в восприятии современников она перестает быть чем-то естественным и общепонятным, что, в свою очередь, неминуемо ведет к ее дальнейшему умалению.

Реликты христианской двуименности в конце XVIII–XIX столетий. Обращаясь к следующей эпохе, нельзя не принять во внимание тот факт, что по крайней мере с середины XVIII столетия в России все более распространяется многоименность совсем иного вида. Речь идет о полиномии, так сказать, благоприобретенной, когда человек по своей воле или в силу внешних обстоятельств осваивает новое имя, будучи взрослым. Спектр такого рода антропонимических ситуаций довольно широк — от литературных и театральных псевдонимов до усвоения нового имени из-за «неблагозвучности» / «немодности» / «простонародности» имени прежнего, от переименования иностранцев до подражания литературным образцам. Все эти практики, чрезвычайно интересные сами по себе, с одной стороны, кардинально отличаются от интересующей нас традиции, когда оба христианских имени даются человеку в родительской семье в первые месяцы его жизни, но, с другой стороны, в ту пору, когда самая эта древняя традиция размывается, подобные обыкновения Нового времени не могут не влиять на ее восприятие людьми, в ней не сведущими.

Некоторые знатные семьи, в которых христианская двуименность была распространена издревле, сохраняли к ней особенно устойчивую привязанность на протяжении всего XVIII столетия. Характерно, однако, что наречение их детей, естественным образом перешагнувших в XIX век, могло показаться современникам в лучшем случае чем-то диковинным,

а то и выдуманным, изобретенным *ad hoc*. В этом отношении очень любопытно, как рассказывается об этом феномене в семье известного поэта и драматурга князя Ивана Михайловича Долгорукого († 1823). Так, согласно воспоминаниям М. А. Дмитриева, «...надобно причислить к странностям князя Ивана Михайловича, что многия его дети имели по два имени: одно, данное при крещении, а другое, данное им самим, которым они назывались. Так Рафаил назывался Михайлой; Антонина — Варварой; Евгения — Натальей» (Дмитриев 1863: 138).

Сам князь довольно подробно описывает обстоятельства и причины наречения одной из упомянутых в мемуаре Дмитриева дочерей:

«...с девятого на одиннадцатое число <август 1794 г.> родила благополучно дочь, которую нарекла она Антониной. Я поспешил в Москву и тотчас с сестрами поскакал, а пока доеду изъясню здесь, отчего дочери моей новорожденной такое странное дали мы имя. Вот причина. Возмущение Франции все умы занимало, казнь поносная королевы Антуанетты кого не трогала? Подействовала она сильно и на мою добрую душу, и так как у нас была уже дочь Марья, то, желая в семье своей составить имя французской королевы, я уговорил жену, чтобы, если родит она дочь, дать ей имя Антуанетты, по-русски Антонины. Она на сие странное предложение согласилась с таким условием, что если родит ее без меня, то исполнит мою прихоть. Подлинно, я опоздал к родинам ее приехать несколькими часами — и оттого дочь наша вечно будет Антонина? Нет, вечного ничего нет на свете: мы через время переименовали ее Варварою» (Долгоруков 2004, т. I: 371–372).

На деле речь, конечно же, идет не о переименовании, а о прибавлении младенцу еще одного имени — характерным образом, в письмах сам отец именует эту свою дочь *Антониной*, а, скажем, ее родной брат, Михаил / Рафаил — *Варварой* (Долгоруков 2004, т. I: 373; 2005, т. II: 493).

Мемуарист же иного поколения, заставший Антонину / Варвару Новикову (урожденную княжну Долгорукую) уже бабушкой (Михаил / Рафаил к тому времени давно скончался), напишет о ней и о ее именах следующее: «Для старухи Антонины Ивановны Новиковой, — которая, кстати сказать, возненавидев почему-то свое имя, вдруг велела называть себя “Варварой Ивановной”, что всеми покорно исполнялось, — ровно ничего не стоило отодрать за уши своего внука, воспитанника старших классов лицея, только за то, что он вернулся домой от товарищей на пять минут позже, чем ему было разрешено» (Уманец 1915: 848). Эта помета о якобы имевшей место прихоти пожилой барыни позволяет увидеть, в частности, как в глазах людей, не знакомых с соответствующей антропонимической традицией, христианская двуименность предстает в облики смены имени, вдруг совершаемой взрослым человеком по собственному произволу⁵.

⁵ Не менее любопытным образом, этот казус может осмысляться исследователем XX в. А. Б. Пеньковский (2003: 27), зная о двух именах княжны Долгоруковой, утверждал, не имея для этого никаких дополнительных данных, что ее крестили именно *Варварой*,

Разумеется, дети Ивана Михайловича были далеко не единственными обладателями двух христианских имен в эту эпоху⁶. Можно сказать даже, что интересующая нас древняя традиция, растратив свою строгость и системность, в конце XVIII в. пережила довольно скромный, но все же ощутимый ренессанс, вызванный к жизни своеобразной, если так можно выразиться, архивно-генеалогической рефлексией.

Особенно выразительно в этом отношении антропонимическое досье разжалованного из офицеров ординарца Кутузова Николая Федоровича Колычева († 1865), родившегося в 1780 г. и, соответственно, принадлежавшего к одному поколению с отцом М. Ю. Лермонтова. Он был наречен двумя именами, *Филипп* и *Николай* (Бодэ-Колычев 1886: 396), оба этих имени можно назвать для него родовыми, однако судьба и роль их в истории рода была совершенно различной. *Николаи* появляются у Колычевых с рубежа XVII и XVIII столетий — с тех самых пор, когда это имя после длительной паузы стало активно возвращаться в русский антропонимический обиход — и в XVIII в. оно у них воспроизводится охотно и многократно⁷. Что же касается имени *Филипп*, то его получил в монашестве едва ли не самый прославленный представитель этого боярского клана — митрополит Филипп Колычев, который был убит в 1569 г. по приказу Ивана Грозного, а с конца XVI в. почитался как святой под этим своим монашеским именем. Крещен же он был *Федором*, и в его случае мы имеем дело не со светской христианской двуименностью, а с иной древней традицией — приобретением нового имени, подобранного к крестильному, при постриге. Такого рода монашеские имена довольно редко подхватывались и воспроизводились в светском наречении потомков, и у Колычевых — при явной популярности имен *Федор* — мы ни в XVI, ни в XVII, ни в первой половине XVIII в. не найдем ни одного *Филиппа*. Зато во второй половине века (преимущественно в последние его десятилетия) мы обнаруживаем в их довольно разветвленной и обширной семье не только нашего Николая / Филиппа, но и трех других носителей этого антропонима. Очевидным образом, речь идет не о живой преемственности, благодаря которой имена дедов и прадедов естественным порядком передаются внукам и правнукам, но о неких генеалогических размышлениях над отдаленным прошлым своего рода, столь характерных для этого времени.

хотя из записок ее отца это никак не следует, а исходя из общего контекста ситуации, представляется маловероятным.

⁶ Весьма полезная коллекция таких казусов среди русской знати (особенно у женщин) собрана в ярком исследовании А. Б. Пеньковского (2003). Правда, автор не всегда делает различие между совершенно разными антропонимическими ситуациями, смешивая собственно христианскую двуименность, когда оба антропонима позаимствованы из православного календаря, и такие, например, случаи, где женское имя из святцев сочетается с заимствованной формой уменьшительно именования (*Елена / Нелли*) и т.п.

⁷ В XV — первой половине XVII в. крестить обыкновенных людей именем Николая Угодника было не принято.

Писаная генеалогия сохраняла для отдаленных потомков лишь голые антропонимические единицы, имена как таковые, совокупность же правил и обычаев наделения этими именами, актуальные, скажем, для XVI в., могли стираться из памяти, трансформироваться. Двуименность Николая/Филиппа Федоровича Колычева была в определенном смысле дважды родовой, ибо одно имя объединяло его с обозримым сонмом близких родственников, тогда как другое отсылало к самому величественному эпизоду семейной старины, хотя к строгим календарным принципам исконной светской христианской двуименности все это имело, в сущности, лишь косвенное отношение⁸.

Какое же место в этой динамичной антропонимической картине занимает история выбора имени у Лермонтовых? В чем-то она сродни ситуации Николая/Филиппа Колычева, однако совпадает с ней далеко не полностью.

Возвращаясь к кратким тезисам Б. М. Эйхенбаума, следует сказать, что в семье Лермантов, явившейся на Русь в первой трети XVII столетия, несомненно родовым было как раз имя *Георгий* (*Юрий*). Так звали не только основателя русской ветви семьи, поручика Юрия (Георга) Лерманта (Лермонта)⁹, но и целую череду его потомков — живая традиция передачи этого имени из поколения в поколение здесь никогда не прерывалась. *Евтихий* же, насколько мы можем судить по довольно многочисленным документам, относящимся к истории этого рода, был — вплоть до появления на свет отца поэта — всего один его представитель, и это не кто иной, как Евтихий Петрович Лермонтов, внук основателя русской ветви клана. При этом его роль в генеалогической истории весьма существенна — он вместе с братом, Петром Петровичем, первыми подают в приказ изложение своего родословия, по которому десятилетиями позже их потомкам будут выдаваться всевозможные архивные справки и свидетельства¹⁰. Именно с них, таким об-

⁸ Несколько отступая в сторону, можно сказать, что к XIX в. живые реликты этой традиции, вполне знакомой одним людям, столь легко соседствовали с полным ее забвением другими, что подобный контраст давал почву для своеобразной литературной игры. Не исключено, что она задействована и в той (вообще говоря, весьма многослойной) антропонимической ситуации, которую Н. В. Гоголь создает в *Ревизоре*. Купцы, как известно, упрекают городничего в том, что он ради поборов учредил себе два разных именных дня — «на Антона и на Онуфрия». Подношения чиновникам к именинам хорошо зафиксированы уже в XVII в., хотя наверняка имели место и раньше, но именно в XVII столетии распространился обычай, когда достаточно богатые обладатели двух христианских имен назначали празднования в дни обоих своих патрональных святых. О том, сколь долго отголоски этого удвоения именных торжеств продержались в провинциальном обиходе, можно только гадать, и при этом оно — в силу изначальной факультативности светской христианской двуименности и, тем более, из-за ее постепенного угасания — не имело никаких шансов сделаться всеобщим и повсеместным.

⁹ Если полагаться на документы, представленные Н. П. и П. П. Лермонтовыми, жалованная грамота на земли была выдана их предку Георгу Лермонту царем Михаилом Федоровичем еще в 1621 г. Так или иначе, в 1633 г. его имя уже фигурирует в иноземном приказе с пометой о том, что он «старого выезда» (Никольский 1873: 548).

¹⁰ Эти внуки Георга Лерманта (Лермонта) упоминаются в изрядном количестве документов последней трети XVII в., оба они — и Петр Петрович, и Евтихий Петрович — были, в частности, сперва стряпчими, а потом и стольниками.

разом, начинается своеобразный рассказ о родовой истории от первого лица, да вдобавок все Лермонтовы, жившие в России после Петра и Евтихия, оказываются их потомками, потому что других внуков у Георга Лермонта не было вовсе.

Более того, семейное предание, зафиксированное в домашних генеалогических перечнях числило Евтихия Петровича обладателем двух христианских имен, причем вторым из них было не что иное, как «дедне» имя *Юрий* (Никольский 1873: 547, 549–552, 554; Никольский 1873а: 810). Утверждается, в частности, что его дети в разных документах фигурировали под двумя разными отчествами — они именовались то *Евтихиевичами*, то *Юрьевичами* (Данилевский 1875: 107), а такое, естественным образом происходило с отпрысками двуименных отцов¹¹.

Был ли Евтихий Петрович, внук Георга, и впрямь двуименным? Сейчас в нашем распоряжении нет аутентичных свидетельств XVII в., позволяющих утверждать это со всей определенностью. При этом ничего невероятного в таком положении дел нет: он вполне мог бы получить крестильное имя *Евтихий* и наследственное, родовое *Юрий*, которому, в соответствии с древней традицией, предстояло бы использоваться в качестве публичного. Однако, как мы помним, его общественная жизнь выпадает на тот период (70–90 гг. XVII в.), когда происходит явное смешение функций двух антропонимов одного и того же лица в публичном пространстве: крестильные имена все охотнее появляются в официальных документах, а имена, изначально данные как публичные, из этой сферы нередко оттесняются, оставаясь, впрочем, по-прежнему востребованными в повседневном обиходе. Так или иначе, в доступных нам сейчас деловых документах этот внук Юрия (Георга) Лермонта появляется исключительно как *Евтихий*¹².

Однако для наречения отца поэта, родившегося в 1787 г., куда важнее, разумеется, не истинное положение дел со светской христианской двуименностью у его прапрадеда, а представления о ней, сложившиеся за то столетие, что разделяло предка и потомка. Сообразно с этими представлениями, отец поэта не просто получал имена, удваивающие манифестацию родового начала, но еще и становился своеобразным антропонимическим клоном стольника Евтихия Петровича, ибо у них совпадало решительно все — два личных имени (*Юрий* и *Евтихий*), отчество (*Петрович*) и родовое прозвание (*Лермонтов*). Такое наречение как нельзя лучше отвечало генеалогической моде этого периода вообще и особому пристрастию семьи Лермонтовых к собственной истории, в частности.

¹¹ Ср. в этой связи недавно обнаруженную запись от 5 марта 1696 г. на Евангелии учительном виленской типографии Мамоницей (собрание К. С. Северина, 1595 г.), где сын Евтихия / Юрия, офицер Преображенского полка Петр, показан с отчеством «Евтифьев сын» (Белянкин 2023: 175).

¹² Ср., например, автограф на поданной в приказ родословной росписи: «Къ сей поколенной росписи Евтифей Петровъ сынъ Лермонтовъ руку приложилъ» (Никольский 1873: 551).

Подчеркнем напоследок, что применительно к Юрию/Евтихию Петровичу-младшему речь в любом случае не шла о каких-то переименованиях и заменах одного имени на другое — ребенка, крестив *Евтихием*, сразу же, в младенчестве, назвали и *Юрием*. Говорить о большей или меньшей официальности этих имен в первой половине XIX в. также едва ли возможно. В подобных случаях, хотя человек в метрических записях о рождении и звался именем крестильным, в других вполне официальных документах — от служебных бумаг¹³ до завещания — он мог беспрепятственно фигурировать с другим именем, и только оно одно оставалось известным большей части его окружения. В собственном завещании отец поэта именует себя «Юрий Петров Лермонтов» (Арсеньев 1903: 234), в метрической записи о кончине он назван, как мы помним, «Евтихий Петров Лермонтов», а какое имя звучало на его отпевании, остается неизвестным.

Зато нет никаких сомнений в том, что факт христианской двуименности отца и генеалогический подтекст этой антропонимической ситуации были прекрасно известны сыну. Залогом тому служит не только непрестанный интерес М. Ю. Лермонтова к своему семейному прошлому, но и простые практические обстоятельства, связанные с присутствием патронима *Евтихиевич* в его метрической записи. Соответственно, не может быть сомнений и в том, что роль многоименности в поэтике лермонтовских текстов, столь ярко продемонстрированная А. Б. Пеньковским (2003), имеет, помимо всего прочего, самую непосредственную автобиографическую основу — два отчества было не только у Нины/Настасьи Павловны/Алексеевны Арбениной из *Маскарада*, но и у ее создателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньев Василий. *Род дворян Арсеньевых, 1389–1901 г.* Тула: Типография Губернского Правления, 1903.
- Белянкин Юрий. «Исторические записи XVII в. на кириллических изданиях: новые находки». *Slověne* XII/2 (2023): 168–177.
- Благово Дмитрий. *Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово.* Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1885.
- Боде-Колычев Михаил. *Боярский род Колычевых, составленный Б. М. Л. Б. К.* Москва: в Синодальной Типографии, 1886.
- Григоров Александр. *Из истории Костромского дворянства.* Кострома: Костромской фонд культуры, 1993.
- Данилевский Григорий. «Прадед Лермонтова». *Русский архив* IX/3 (1875): 107.
- Дмитриев Михаил. *Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения. Сочинение М. А. Дмитриева.* Изд. 2-е, обработанное вновь, испр. и значительно доп. Москва: в типографии Л. И. Степановой, 1863.

¹³ Ср. документ, датированный 16 января 1798 г.: «Мы, нижеподписавшиеся, сим свидетельствуем в том, что артиллерии поручика Петра Юрьева сына Лермонтова сын Юрий точно из дворян, родился 1787 года декабря 26 числа. В веру греческого исповедания крещен Галицкого уезда, села Никольского, церкви Николая Чудотворца священником Иоанном Алексеевым. Восприемниками были малолетний дворянин Павел Логгинов сын Витовтов и майорша Анна Ивановна Лермонтова» (Григоров 1993: 144–145).

- Долгоруков Иван. *Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мною самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение.* Т. I–II. Н. В. Кузнецова, М. О. Мельцин (изд.). Санкт-Петербург: Наука, 2004–2005.
- Литвина Анна, Успенский Федор. «Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции». *Die Welt der Slaven* 64/1 (2019): 108–127.
- Литвина Анна, Успенский Федор. «Месяцеслов в руках Петра Великого: Крещение детей А. Д. Меншикова и традиция русской христианской двуименности». Красносельская Юлия, Федотов Андрей (ред.). *Складчина. Сборник статей к 50-летию проф. М. С. Макеева.* Москва: ОГИ, 2019а: 171–185.
- Литвина Анна, Успенский Федор. «Браки царей Ивана и Петра Алексеевичей и русская многоименность на пороге Нового времени». *Die Welt der Slaven* 67/1 (2022): 68–90.
- Маргвелашвили Вахтанг. «Второе отчество М. Ю. Лермонтова». *Смена* 961 (1967): 22.
- Никольский Владимир. «Предки М. Ю. Лермонтова». *Русская старина* VII (1873): 547–566.
- Никольский Владимир. «Предки М. Ю. Лермонтова (дополнения и поправки)». *Русская старина* VIII (1873а): 810–811.
- Пеньковский Александр. *Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении.* Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Индрик, 2003.
- Сахарова Лариса (изд.). «Воспоминания Екатерины Ивановны Елагиной и Марии Васильевны Безр». *Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах* XIV (2005): 269–424.
- Уманец Сергей. «Мозаика (Из старых записных книжек)». *Исторический вестник СХЛ* (1915): 841–850.
- Эйхенбаум Борис. «Новые материалы об отце М. Ю. Лермонтова». *Литературная газета* 7 (714). 05.02.1938: 4.
- Энгельгардт Лев. *Записки.* Москва: Новое литературное обозрение, 1997.

REFERENCES

- Arsen'ev Vasilij. *Rod dvorjan Arsen'evykh, 1389–1901 g.* Tula: Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 1903.
- Belyankin Jurij. “Istoricheskie zapisi XVII v. na kirillicheskih izdaniyah: novye nahodki”. *Slověne* XII/2 (2023): 168–177.
- Blagovo Dmitrij. *Rasskazy babushki. Iz vospominanij pjati pokolenij, zapisannye i sobrannye ee vnukom D. Blagovo.* Sankt-Peterburg: Tipografiya A. S. Suvorina, 1885.
- Bode-Kolychev Mihail. *Bojarskij rod Kolychevykh, sostavlennij B. M. L. B. K.* Moskva: v Sino-dal'noj Tipografii, 1886.
- Danilevskij Grigorij. “Praded Lermontova”. *Russkij arhiv* IX/3 (1875): 107.
- Dmitriev Mihail. *Knyaz' Ivan Mihajlovich Dolgorukoj i ego sochineniya. Sochinenie M. A. Dmitrieva.* Izd. 2-e, obrabotannoe vnov', ispr. i znachitel'no dop. Moskva: v tipografii L. I. Stepanovoj, 1863.
- Dolgorukov Ivan. *Povest' o rozhdenii moem, proishozhdenii i vsej zhizni, pisanaya mnoju samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyace, na 25-m godu ot rozhdeniya moego. V knigu siju vključeny budut vse dostopamyatnye proisshestviya, sluchivshiesya uzhe so mnoju do sego goda i vpred' imeyushchie sluchit'sya. Zdes' zhe vpishetsya kopii s primechatel'nejshih bumag, koi budut imet' lichnuyu so mnoju svyaz' i k sobstvennoj istorii moej uvazhitel'noe otnoshenie.* Т. I–II. Н. В. Кузнецова, М. О. Мел'цин (изд.). Санкт-Петербург: Наука, 2004–2005.
- Ejhenbaum Boris. “Novye materialy ob otce M. Ju. Lermontova”. *Literaturnaya gazeta* 7 (714). 05.02.1938: 4.

- Engel'gardt Lev. *Zapiski*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 1997.
- Grigorov Aleksandr. *Iz istorii Kostromskogo dvorjanstva*. Kostroma: Kostromskoj fond kul'tury, 1993.
- Litvina Anna, Uspenskij Fjodor. "Hristianskaya dvoumennost' v pravjashchej dinastii na Rusi: Etapy evolyucii". *Die Welt der Slaven* 64/1 (2019): 108–127.
- Litvina Anna, Uspenskij Fjodor. "Mesyaceslov v rukah Petra Velikogo: Kre shchenie detej A. D. Menshikova i tradiciya russkoj hristianskoj dvoumennosti". Krasnosel'skaya Julija, Fedotov Andrej (red.). *Skladchina. Sbornik statej k 50-letiju prof. M. S. Makeeva*. Moskva: OGI, 2019a: 171–185.
- Litvina Anna, Uspenskij Fjodor. "Braki carej Ivana i Petra Alekseevichej i russkaya mnogoimennost' na poroge Novogo vremeni". *Die Welt der Slaven* 67/1 (2022): 68–90.
- Margvelashvili Vahtang. "Vtoroe otchestvo M. Ju. Lermontova". *Smena* 961 (1967): 22.
- Nikol'skij Vladimir. "Predki M. Ju. Lermontova". *Russkaya starina* VII (1873): 547–566.
- Nikol'skij Vladimir. "Predki M. Ju. Lermontova (dopolneniya i popravki)". *Russkaya starina* VIII (1873a): 810–811.
- Pen'kovskij Aleksandr. *Nina: Kul'turnyj mif zolotogo veka russkoj literatury v lingvisticheskom osveshchenii*. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moskva: Indrik, 2003.
- Saharova Larisa (izd.). "Vospominaniya Ekateriny Ivanovny Elaginoj i Marii Vasil'evny Beèr". *Rossijskij arhiv: Istoriya otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv. Almanah* XIV (2005): 269–424.
- Umanec Sergej. "Mozaika (Iz staryh zapisnyh knizhek)". *Istoricheskij vestnik* CXXI (1915): 841–850.

Ана Литвина, Фјодор Успенски

ДВА ПАТРОНИМА ЉЕРМОНТОВА

Резиме

У раду се истражује позни период постојања световне хришћанске двоимености у руској антропонимијској традицији на примеру породице М. Ј. Љермонтова. Аутори анализирају историјску, верску и културну позадину овог феномена и праксу давања два календарска имена — крсног и породичног — у XVIII–XIX веку. Посебна пажња посвећена је имену Јевтихије, које се појављује у документима који се односе на песниковог оца Јурија Петровића Љермонтова, као и његовог претка, Јевтихија Петровића, дворског слуге. Истраживање се ослања на широк спектар историјских извора, укључујући парохијске матичне књиге, манастирске записе и родослове. У раду се показује да се традиција двојног именовања очувала у племићким породицама чак до XVIII–XIX века, али је постепено губила своје функције у јавној и службеној сфери. Анализирају се и књижевни и културни одрази ове традиције, посебно у мемоарима и уметничким текстовима.

Кључне речи: Љермонтов, историјска ономастика, двоименост, наследна традиција, црквени календар, крсно име.